

A romantic couple is shown in a close embrace on a balcony. The woman has long, wavy red hair and is wearing a light blue, floral-patterned dress. The man has dark, wavy hair and is wearing a light-colored jacket. They are looking at each other with affection. In the background, a city skyline is visible, including several skyscrapers. Pink cherry blossoms are in the foreground, framing the couple and falling through the air. The overall atmosphere is soft and romantic, with warm lighting.

ОЛИВИЯ ЛИ

ВИШНЁВЫЙ САД
на Трозовом утёсе

РОМАН

Иногда любовь — это не выбор.
Это — возвращение домой.

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозном утесе

<https://litres.ru/73994684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они встретились весной, когда цвели вишни.

Ей было семнадцать.

Она верила, что впереди огромная жизнь: другие страны, ночные поезда, музыка, любовь и целый мир, который однажды обязательно откроется ей.

Ему — чуть больше двадцати.

Он уже слишком хорошо знал, как больно терять людей и как быстро человек учится прятать чувства за спокойствием.

Они не искали любви.

На с первой встречи между ними возникла что-то большее, чем просто чувства.

Их история началась среди серых дворов середины 2000-х, музыки из старых магнитофонов, весеннего ветра и цветущих вишен маленького города, который стал свидетелем любви, изменившей их жизни навсегда.

От провинциального города - до Лондона.

От первой любви — до чувства,

Которое окажется сильнее
страха потерять.

И о любви, которая продолжает цвести даже после самых
долгих зим.

Добро пожаловать в эту историю.

Там, где цветут вишни - роман а любви, в котором каждый
найдет себя и уже никогда не станет прежним.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозном утесе

Пролог

*Там, где цветут вишни и весна,
где ветер помнит имена,
любовь сквозь бури и года
в наших сердцах останется всегда.*

27.04.2008

Оливия Ли

Я думала, что жизнь — это любовь.
И чудо.

В семнадцать лет мне казалось: если однажды встретишь человека и сердце узнает его раньше, чем разум успеет испугаться, — значит, это навсегда. Что настоящая любовь должна побеждать всё: расстояния, время, чужую волю, страны, океаны и даже саму жизнь.

Тогда я вообще думала , что жизнь создана для счастья.

Для дорог.

Для весенних рассветов.

Для новых городов.

Для музыки из открытых окон.

Для поездов, уходящих куда-то далеко.

Для людей, после которых ты уже никогда не станешь прежним.

Я родилась на переломе эпох.

В стране, которая училась жить заново.

Вокруг рушилось старое: исчезали привычные вещи, взрослые учились выживать, люди теряли деньги, работу, иногда — самих себя. Но вместе с этим будто открывался огромный новый мир, о котором раньше можно было только читать в книгах или видеть в иностранных фильмах на старых кассетах.

И, наверное, именно поэтому мы так отчаянно хотели жить.

Мы были поколением, выросшим среди серых дворов конца девяностых начала двухтысячных, ларьков с тёплой колой, запаха мокрого угля весной, первых мобильных телефонов и взрослых, уставших так сильно, будто они пережили не одну жизнь.

Помню мальчишек с пустыми глазами у подъездов.

Музыку из старых магнитофонов.

Дешёвые сигареты.

И ощущение, что все вокруг либо уезжают, либо мечтают уехать.

А я мечтала увидеть мир.

Надо мной смеялись.

В маленьких городах люди редко верят тем, кто смотрит слишком далеко.

Но я всё равно мечтала.

О самолётах.

О море.

О дорогах.

О городах, названия которых звучали как музыка.

И о любви.

Настоящей.

Такой, от которой внутри становится светлее, будто после долгой зимы наконец приходит весна.

Наверное, поэтому люди часто смотрели на меня с недоумением. Во мне было слишком много жизни для времени, в котором мы росли. Слишком много надежды. Слишком много света.

А я просто не умела иначе.

Мне всегда казалось:

что бы ни случилось с человеком, жизнь всё равно однажды найдёт способ вернуть ему счастье.

Но тогда я ещё ничего не знала.

Ни о том, как пахнет одиночество в чужом городе.

Ни о том, как люди учатся улыбаться с разбитым сердцем.

Ни о том, что иногда судьба ломает нас не жестокостью, а выбором.

А потом той весной, когда цвели вишни, я встретила его.

И с этого момента вся моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Глава 1

Глава 1

Новая жизнь

*С этого момента
вся моя жизнь
разделилась на «до»
и «после».*

Новая жизнь

Весна в тот год пришла поздно.

Даже в конце апреля по краям дорог ещё лежал старый серый снег, похожий на грязную вату, а по вечерам от реки тянуло холодом так сильно, будто зима всё ещё не хотела отдавать страну новой жизни.

Оливия прижалась лбом к холодному стеклу машины и смотрела на проплывающие мимо поля.

Бесконечные. Мокрые. Чёрные после растаявшего снега.

Иногда среди них появлялись покосившиеся деревни с пустыми автобусными остановками, ржавыми заборами и редкими людьми в тёмной одежде. Всё казалось выцветшим — будто кто-то нарочно убрал из этого мира яркие краски.

— Ну вот мы почти приехали, — слишком бодро сказал отец, крутя руль старой служебной «Волги».

Мама тихо вздохнула и поправила воротник пальто.

Оливия ничего не ответила.

Москва осталась позади всего несколько часов назад, но ей казалось, будто прошла уже целая жизнь.

Там остались широкие проспекты, шум Садового кольца, круглосуточные палатки у метро, её школа, книжный магазин возле дома, старые подруги и ощущение, что впереди — огромный мир.

А здесь впереди был маленький город в Владимирской области, куда её отец получил назначение мэром.

Город, о котором она никогда раньше даже не слышала.

— Пап, — наконец сказала она, не отрывая взгляда от окна. — И зачем нормальные люди добровольно сюда переезжают?

Отец усмехнулся.

— Во-первых, не сюда, а на ответственную должность. Во-вторых, кто-то должен приводить этот мир в порядок.

— Начни с дорог.

Он рассмеялся громче, чем шутка того заслуживала.

Так, бывало, всегда, когда он нервничал.

Оливия перевела взгляд на него.

Она любила отца почти болезненно. За его способность оставаться добрым даже тогда, когда вокруг все давно озлобились. За упрямую веру, что люди всё-таки могут жить лучше. За то, что он никогда не разговаривал с ней как с ребёнком.

Наверное, именно поэтому она слишком рано повзрослела.

В свои шестнадцать Оливия уже знала, что мир редко бывает справедливым. Видела достаточно взрослых, сломанных жизнью. Слышала достаточно разговоров, которые дети обычно слышать не должны.

Но, несмотря ни на что, она всё равно любила жизнь.

Жадно. Почти отчаянно.

Любила книги, дороги, музыку, весенний ветер, чужие города и старые карты мира, которые могла рассматривать ча-

сами. Любила представлять, как однажды увидит Нью-Йорк, Париж, Рим, океан и улицы, названия которых пока казались ей почти сказочными.

В маленьких городах над такими мечтами обычно смеялись.

Но Оливию это никогда не останавливало.

Машина въехала в город ближе к вечеру.

Первое, что она увидела, — длинные серые пятиэтажки, мокрые после дождя дороги и огромный недостроенный Дом культуры с выбитыми окнами. У автобусной остановки стояли подростки в тёмных куртках, слишком взрослые для своего возраста.

Кто-то курил. Кто-то пил пиво прямо из бутылки.

Они проводили машину взглядом.

— Уже знают, что новый мэр приехал, — тихо сказала мама.

И почему-то именно в этот момент Оливия впервые почувствовала:

город не ждал их.

Люди здесь вообще давно никого не ждали.

У хлебного ларька две женщины сразу замолчали, когда мимо проехала «Волга».

Потом одна наклонилась к другой и достаточно громко произнесла:

— Смотри-ка. Столичные.

— Ну теперь заживём, наверное, — без улыбки ответила

вторая.

Оливия сделала вид, что не услышала.

Но внутри неприятно кольнуло.

Она снова посмотрела в окно.

Город казался уставшим.

Словно здесь слишком долго ждали чего-то хорошего — и в какой-то момент просто перестали верить, что оно вообще возможно.

А потом солнце внезапно вышло из-за туч.

Тонкий золотой свет скользнул по мокрым улицам, по старым окнам, по лужам, отражающим небо.

И где-то совсем рядом начала цвести вишня.

Оливия замерла.

Белые лепестки дрожали на ветру так красиво и упрямо, будто сама весна отказывалась сдаваться.

Она улыбнулась впервые за весь день.

И ещё не знала, что именно здесь, в этом маленьком городе, её жизнь разделится на «до» и «после».

— Нового мэра назначили, слышала?

— Из Москвы вроде.

— Ага. Конечно. Откуда ж ещё.

— Говорят, с дочкой приехал.

Женщины у хлебного ларька засмеялись без всякой радости.

Оливия услышала это, когда проходила мимо с отцом, и только крепче сжала ручку чемодана.

Город встречал их настороженно.

Здесь не любили чужих. А москвичей — особенно.

Отец пытался держаться уверенно. Шёл быстро, здоровался с кем-то, улыбался, будто уже принадлежал этому месту. Но Оливия чувствовала, как люди смотрят им вслед.

С подозрением. С усталостью. Иногда — с откровенной неприязнью.

В шестнадцать лет она ещё не понимала, что взрослые могут ненавидеть человека заранее — просто за то, что он появился не вовремя.

Квартиру им дали на самой окраине города.

Пятый этаж старой панельки, пахнувшей сыростью, кошками и дешёвыми сигаретами. Когда отец открыл дверь, Оливия сначала подумала, что здесь никто не жил много лет.

В квартире почти ничего не было.

Ободранные стены. Старый линолеум с прожжёнными пятнами. Голая лампочка под потолком. И холод, въевшийся в бетон так глубоко, будто его уже невозможно было выгнать.

Мама долго молчала, стоя посреди пустой комнаты.

Потом тихо села прямо на подоконник и заплакала впервые за весь переезд.

Отец сделал вид, что не заметил.

В тот вечер он снял с петель межкомнатные двери, положил их на старые стулья и накрыл сверху одеялами.

Так появились их первые кровати.

Тогда Оливия ещё не знала, что следующие несколько лет

они будут жить почти впроголодь.

Зарплата мэра маленького города в конце девяностых звучала солидно только на бумаге. На деле денег едва хватало на гречку, хлеб и дешёвый чай. Почти все деньги часто приходилось отдавать людям, имя которых в городе боялись прозвонить вслух.

Город давно уже жил не по законам.

Он жил по понятиям.

Здесь у всего была своя дань: у магазинов, у рынков, у маршруток, у чиновников.

Платили все.

Иначе ночью могли выбить окна. Поджечь машину. Или прийти домой.

Мама резала чёрный хлеб тонкими ломтиками и раскладывала их так аккуратно, будто от этого зависел порядок во всей вселенной. Одну буханку — на неделю.

Оливия никогда не жаловалась.

Она вообще слишком рано поняла, что взрослым страшно.

Особенно отцу.

Сначала он ещё пытался бороться. Работал до ночи. Кричал на совещаниях. Спорил. Доказывал.

А потом начал всё чаще возвращаться домой с запахом водки и сигарет.

Иногда садился ночью на кухне один и долго смотрел в темноту.

Будто пытался понять, в какой именно момент страна свернула не туда.

Если Оливия и научилась любить жизнь так отчаянно, то только потому, что выросла между двумя очень разными видами силы.

Первой был её отец.

Для неё он всегда оставался самым главным человеком в мире. Не просто отцом — человеком, на которого она равнялась почти болезненно. В детстве ей казалось, что он знает ответы на все вопросы, умеет разговаривать с любым человеком и никогда по-настоящему не боится.

Хотя позже она поймёт: боялся он постоянно.

Просто не показывал этого детям.

Он был человеком другой эпохи. Той, которая навсегда исчезла вместе с Советским Союзом.

В молодости отец был геологом. объездил почти всю страну — от Камчатки до Калининграда. Он рассказывал Оливии о бесконечных лесах, ледяных реках, палатках под дождём, кострах среди сопок и песнях под гитару, которые пели до самого рассвета.

И когда он вспоминал свою молодость, его лицо всегда становилось другим.

Свободным. Светлым.

Будто внутри него всё ещё жил тот высокий парень с рюкзаком за плечами, который верил, что впереди огромная жизнь.

Наверное, именно от него Оливии передалась эта вечная жажда дороги.

Он научил её любить карты. Поезда. Весенний ветер. Дальние города.

И верить, что человек должен прожить жизнь так, чтобы ему было что вспомнить в старости.

Даже в самые тяжёлые годы отец оставался для неё островом спокойствия.

С мамой всё было иначе.

Мать Оливии была женщиной, которую невозможно было сломать.

Красивая. Гордая. Резкая. Слишком эмоциональная.

Она любила свою семью почти яростно — так, будто постоянно воевала с жизнью за право своих детей на будущее.

В девяностые она продавала пирожки в электричках, торговала на рынке, хваталась за любую работу. Иногда недоедала так сильно, что падала в обморок прямо дома, но всё равно делала вид, будто ничего не случилось.

Всю еду она отдавала детям.

Оливия помнила это всегда.

И именно поэтому, несмотря на все ссоры, несмотря на бесконечное непонимание между ними, внутри неё жило огромное уважение к матери.

Потому что мама умела делать главное: подниматься.

Снова. И снова.

— Упала лицом в грязь — встань, подними голову и иди

дальше, — говорила она.

Это было её кредо. Её способ выживать.

И мама жила именно так.

С разбитыми руками. С болью. С усталостью. С сердцем, которое давно никто не жалел.

Но она всё равно шла вперёд.

Ради семьи. Ради детей. Ради будущего, которого сама, возможно, уже не ждала для себя.

Наверное, именно поэтому им с Оливией всегда было трудно рядом.

Мать хотела видеть в дочери продолжение собственной жизни. Более сильную версию себя. Человека, который выберет правильный путь, не ошибётся, не разобьёт себе сердце и не будет жить мечтами.

Но Оливия была слишком похожа на отца.

Слишком любила мир. Слишком верила в любовь. Слишком хотела жить сердцем.

Глава 2

Новенькая

К маю город наконец начал оттаивать.

С крыш ещё капало по утрам, дороги тонули в вязкой серой грязи, но в воздухе уже появилось что-то новое — тонкий, почти неуловимый запах молодой листвы, мокрой земли и близкой весны.

Оливия шла в школу и нервничала сильнее, чем хотела себе признаться.

Новая форма сидела непривычно. Рыжие волосы, как назло, совсем не хотели собираться в аккуратный хвост и выбивались медными прядями у висков. Она несколько раз пыталась пригладить их ладонью, но потом бросила это бессмысленное занятие.

Солнце всё равно зажигало их огнём.

— Не сутулься, — сказал отец перед выходом, поправляя воротник её пальто. — И помни: люди всегда боятся тех, кто не похож на остальных.

— Очень обнадёживающее напутствие для первого дня в новой школе.

Он улыбнулся.

— Оливия ты справишься.

Как же часто она будет вспоминать эти слова...

Школа стояла почти в центре города — старая, трёхэтаж-

ная, с облупленной зеленой краской на стенах и огромными окнами, которые никогда нормально не закрывались зимой. Во дворе курили старшеклассники. Кто-то громко смеялся, из чьего-то рюкзака хрипло играла песня «Крошка моя» группы «Руки Вверх!».

Когда Оливия вошла внутрь, шум будто стал тише.

Она почувствовала это сразу.

Взгляды.

Любопытные. Настороженные. Недобрые.

— Это она?— Дочка нового мэра?— Москвичка, говорят.— Смотри какая

Шёпот скользил за ней по коридору, как холодный сквозняк.

Оливия сделала вид, что ничего не слышит.

Она вообще быстро осознала: в маленьких городах люди сначала придумывают тебе историю, и только потом знакомятся по-настоящему.

Классная руководительница — усталая женщина с короткой химией и слишком яркой помадой — привела её в кабинет литературы прямо посреди урока.

— Так, ребята, тихо. Это Оливия Вишневская. С сегодняшнего дня учится у нас.

Тишина стала почти осязаемой.

Оливия медленно обвела взглядом класс.

Старые деревянные парты. Белые следы мела на доске. Девочки в одинаковых чёрных юбках. Мальчишки с уже взрос-

лыми глазами.

Некоторые смотрели с интересом. Некоторые — с открытой неприязнью.

Особенно девочки.

Слишком рыжая. Слишком красивая. Слишком уверенная. Слишком московская.

Таких здесь не любили.

У окна сидела Юлия Торопышкина.

Позже Оливия поймёт, что именно такие люди чаще всего становятся самыми жестокими.

Юля не была красивой.

Маленькая, слишком худая, с бесцветными серыми волосами и вечно поджатыми губами, она будто вся состояла из какой-то внутренней злости, которую даже не пыталась скрывать. В ней не было ни лёгкости, ни света, ни живости — только постоянное напряжение человека, привыкшего сравнивать себя с другими и почти всегда проигрывать это сравнение внутри себя.

Она была удивительно похожа на сам город.

Серая. Колючая. Уставшая ещё до начала жизни.

И Оливия раздражала её с первой секунды.

Не потому что была красивее.

А потому что была другой.

Слишком яркой для этих коридоров. Слишком свободной. Слишком живой.

В маленьком и ограниченном мире Юли просто не поме-

щались такие люди. Чтобы принять существование Оливии, ей пришлось бы признать слишком многое: что мир огромнее её двора, что жизнь может быть другой, что человек может мечтать не только о том, чтобы вырваться замуж или уехать в Москву любой ценой.

Но хуже всего было другое.

Рядом с Оливией Юля особенно остро чувствовала собственную серость.

И ненавидела её за это.

Появление новой девочки она восприняла почти как личное оскорбление. Как вызов всему привычному миру, в котором каждый должен был быть удобным, одинаковым и предсказуемым.

— Садись пока к Таисии Орловой, — сказала учительница.

Девочка у окна нехотя подвинула учебники.

— Привет, — тихо сказала Оливия, садясь рядом.

Таисия лишь коротко кивнула.

За окном качались ветки цветущей вишни.

Оливия засмотрелась на них и почти не слышала, что говорит учительница. Весна всегда действовала на неё странно — будто внутри становилось тесно от желания жить.

Ей хотелось уехать. Увидеть весь мир. Сесть однажды в самолёт. Проснуться в другом городе. Услышать океан.

Она так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу поняла, что учительница обращается к ней.

— Оливия, может, ты продолжишь?

Весь класс смотрел на неё.

— Простите?

— Мы обсуждаем «Героя нашего времени». Что вы думаете о Печорине?

Несколько человек тихо засмеялись.

Наверное, ожидали, что дочка мэра сейчас растеряется.

Оливия медленно поднялась.

— Мне кажется, Печорин просто человек, которому слишком тесно в собственной жизни, — спокойно сказала она. — Такие люди часто разрушают всё вокруг не потому, что злые, а потому что не умеют быть счастливыми.

В классе стало тихо.

Даже учительница удивлённо подняла глаза.

— Интересная мысль, — произнесла она после паузы.

С задней парты кто-то негромко сказал:

— Выпендрёжница.

Класс снова зашумел.

Оливия села обратно и сделала вид, что её это не задело.

Но внутри неприятно кольнуло.

Она уже понимала: здесь ей придётся постоянно бороться за право быть собой.

На большой перемене Оливия вышла в коридор одна.

Школа гудела вокруг неё чужими голосами, смехом, топотом и резкими запахами дешёвых духов, сигаретного дыма, столовской еды и мокрых курток. Кто-то бегал, толкаясь

плечами, кто-то сидел прямо на подоконниках, громко обсуждая вечернюю дискотеку в новом Доме культуры.

Оливия медленно шла вдоль окна, делая вид, что ей совершенно всё равно.

Но ей не было всё равно.

Она чувствовала себя человеком, которого случайно выбросили в чужую жизнь.

За стеклом тянулся город.

Старые пятиэтажки. Голые деревья. Грязный двор. Ржавая детская площадка.

И всё же даже здесь уже чувствовалась весна.

Тонкая. Хрупкая. Настоящая.

Ветер трогал ветки вишни у школьного двора, и белые лепестки медленно кружились в воздухе.

Оливия невольно улыбнулась.

— Чего лыбишься?

Она обернулась.

Рядом стояли две девочки из класса. Одна жевала жвачку, вторая разглядывала Оливию с откровенным любопытством.

— Просто весна красивая, — спокойно ответила она.

Обе переглянулись так, будто услышали что-то странное.

— Ты реально из Москвы?

— Реально.

— И чего там правда все богатые?

Оливия едва заметно усмехнулась.

Если бы они видели их новую квартиру с дверями вместо

кроватей.

— Нет, — сказала она. — Там просто люди быстрее живут.

— А чего сюда приехали тогда?

— Отца назначили.

Слово «мэр» Оливия специально не произнесла.

Но девочки и так всё поняли.

Одна сразу изменилась в лице.

— А-а понятно.

Вот оно.

Опять.

Эта невидимая стена.

Будто она лично была виновата во всём, что происходило в их городе последние десять лет.

Оливия уже хотела уйти, когда услышала за спиной голос Юли:

— Некоторые думают, что если приехали из Москвы, то теперь самые умные.

Коридор сразу притих.

Юля стояла у стены в окружении нескольких девочек, скрестив руки на груди. На губах у неё играла тонкая неприятная улыбка.

— А некоторые вообще слишком много о себе думают, — продолжила она, глядя прямо на Оливию. — Особенно когда строят из себя непонятно кого.

Оливия спокойно посмотрела на неё.

— А ты всегда говоришь о людях раньше, чем познакомишься с ними?

Кто-то тихо прыснул со смеху.

Юлино лицо дёрнулось.

Она не ожидала, что новенькая ответит.

— Да кому ты тут нужна вообще? — резко бросила она.
— Думаешь, раз папочка мэр, тебе всё можно?

Оливия почувствовала, как внутри начинает подниматься злость.

Горячая. Неприятная.

Но почти сразу вспомнила взгляд отца утром.

«Люди всегда боятся тех, кто не похож на остальных».

И вдруг поняла: Юля действительно боится.

Не её.

А того, что рядом с Оливией привычный мир начинает казаться слишком маленьким.

— Я вообще ничего о себе не думаю, — тихо сказала Оливия. — Это вы почему-то всё решили за меня.

Несколько секунд они смотрели друг на друга в полной тишине.

А потом прозвенел звонок.

Все сразу задвигались, заговорили, будто ничего не произошло.

Только Таисия, проходя мимо Оливии, негромко сказала:

— Лучше с Юлькой не связывайся.

— Почему?

Таисия пожала плечами.

— Потому что она всегда делает гадости чужими руками.

Тусклый апрельский вечер медленно опускался на маленький городок, будто сама весна не хотела здесь задерживаться.

Снег у дорог давно почернел, превратившись в рыхлую грязь, ветер тянул сыростью от реки, а между старыми домами уже зажигались редкие жёлтые окна — усталые, как люди внутри них.

Оливия и Таисия возвращались из школы молча.

Под ногами хлюпала вода. Где-то за гаражами лаяла собака. Над крышами медленно тянулся дым.

— Тась — наконец тихо сказала Оливия. — А почему Юля такая?

Таисия не сразу ответила.

Она поправила тяжёлую сумку на плече и только потом негромко произнесла:

— Потому что жизнь у неё такая.

Оливия повернула голову.

Таисия усмехнулась — коротко, совсем не по-весеннему.

— Отец у неё ушёл. Лет пять назад ещё. К соседке из второго подъезда. Представляешь? Даже город не поменял. Просто другую квартиру выбрал.

Она говорила об этом так спокойно, будто подобные вещи давно стали здесь обычными.

— Юлька после школы иногда специально кругами ходи-

ла, лишь бы не встретить его во дворе. А он шёл мимо с пакетами, с новой бабой этой будто старой семьи никогда и не было.

Ветер тронул голые ветки тополей.

Оливия почувствовала, как внутри становится тяжело.

— А мать? — тихо спросила она.

Таисия опустила глаза.

— Мать сначала держалась. Потом работать начала на двух работах сразу. Днём магазин, ночью склад. А вечерами пила. Не от хорошей жизни.

Она замолчала.

Впереди показались старые пятиэтажки — серые, промокшие после бесконечных зим. Во дворах лежали ржавые качели. У подъездов стояли мужчины в тёмных куртках с сигаретами. Из открытого окна где-то наверху доносился чей-то крик.

И весь этот город вдруг показался Оливии страшно уставшим.

Будто здесь люди рождались уже с ощущением обречённости внутри.

— Юлька маленькая дома одна всё время сидела, — продолжила Таисия уже тише. — Сама себе суп грела. Сама уроки делала. Сама засыпала. А потом стала такая злая.

Она пожала плечами.

— Тут многие такие.

И это было сказано без осуждения.

Просто как правда.

Потому что этот маленький городок жил странной, тяжёлой жизнью.

Здесь мужчины часто уходили. Женщины слишком рано старели. А дети очень быстро понимали то, чего понимать ещё не должны.

Оливия медленно посмотрела на тёмные окна домов.

И впервые почувствовала:

иногда люди становятся жестокими не потому, что в них нет любви.

А потому что любви у них когда-то оказалось слишком мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.